

Хорольская Виктория Викторовна, магистрант,
Самарский государственный социально-педагогический университет

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЭВФЕМИЗМОВ И ДИСФЕМИЗМОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности перевода эвфемизмов и дисфемизмов в англоязычном медийном дискурсе. Материал исследования составляют публикации британских и американских средств массовой информации, посвящённые политике, экономике, социальным конфликтам, вопросам здравоохранения и правосудия. Показано, что при переводе подобных единиц на русский язык важно учитывать не только предметное значение, но и их прагматическую функцию в тексте. Описаны наиболее продуктивные стратегии передачи эвфемизмов и дисфемизмов, а также типичные ошибки, ведущие к утрате оценочности, жанровой уместности и коммуникативного эффекта.

Ключевые слова: Эвфемизм, дисфемизм, медиадискурс, перевод, прагматика, оценочность.

В современной медиакommunikации выбор языковых средств влияет не только на информативную сторону сообщения, но и на его интерпретацию. Новостной текст, аналитическая статья или авторская колонка формируют у адресата определённую оценочную перспективу, задают тон восприятия события и во многом определяют эмоциональную реакцию аудитории. В этой связи особое внимание привлекают эвфемизмы и дисфемизмы – единицы, с помощью которых автор смягчает или, напротив, усиливает отрицательную оценку сообщаемого. В англоязычном медийном дискурсе такие единицы особенно востребованы, поскольку именно медиа регулярно работают с социально чувствительными темами: войной, кризисами, смертью, бедностью, преступностью и политическим противостоянием [1, 3].

Актуальность исследования определяется тем, что при переводе медиатекстов недостаточно передать только фактическое содержание высказывания. Для адекватного результата необходимо сохранить и прагматический эффект: степень речевой деликатности, дистанцированности, резкости или публичного осуждения. В противном случае перевод утрачивает жанровую точность и может существенно изменить интерпретацию исходного сообщения. Именно поэтому перевод эвфемизмов и дисфемизмов следует рассматривать как задачу, находящуюся на пересечении лексической семантики, стилистики, прагматики и переводоведения [2, 5].

Под эвфемизмами обычно понимаются слова и выражения, заменяющие прямые наименования нежелательных, табуированных или эмоционально тяжёлых явлений более нейтральными или социально приемлемыми формами. Дисфемизмы, напротив, представляют собой языковые единицы, усиливающие отрицательную характеристику предмета речи и делающие высказывание более резким и экспрессивным. В зарубежной традиции К. Аллан и К. Берридж рассматривают эвфемизм как своеобразный «языковой щит», а дисфемизм – как «языковое оружие», что особенно точно отражает их коммуникативную направленность [1].

В отечественной лингвистике эвфемия и дисфемия анализируются в связи с нормами речевого поведения, социальной маркированностью лексики и условиями её употребления. Л. П. Крысин связывает активное развитие эвфемизмов с изменчивостью общественных норм и потребностью общества регулировать способы публичного названия нежелательных явлений [4]. В. П. Москвин рассматривает эвфемизацию как системное языковое явление и подчёркивает её функциональную связь с камуфлированием смысла, смягчением высказывания и соблюдением норм речевого этикета [5].

Материалом настоящей статьи послужили англоязычные медиатексты, опубликованные в 2022-2026 гг. в изданиях The Guardian, The New York Times, BBC News, CNN и The Washington Post. В выборку вошли новостные сообщения, аналитические статьи, репортажи и авторские колонки, посвящённые политике, международным отношениям, вооружённым конфликтам, социально-экономическим проблемам, вопросам здравоохранения и правосудия. Такой корпус позволяет проследить, как эвфемистические и дисфемистические единицы функционируют в разных жанрах и как меняется их переводческая интерпретация в зависимости от коммуникативной задачи текста.

В ходе работы использовались описательный метод, контекстуальный анализ, элементы компонентного семантического анализа и сопоставительный переводческий анализ. На первом этапе выделялись языковые единицы, обладающие смягчающей или заостряющей функцией. Затем определялась их роль в конкретном медиаконтексте, после чего анализировались возможные способы передачи этих единиц на русский язык с учётом жанра, регистра и прагматической установки исходного высказывания. Такой подход позволяет рассматривать перевод не как механическую замену слов, а как процесс функционального соотнесения двух коммуникативных систем [2, 7].

Анализ показал, что в новостных и официально ориентированных публикациях преобладают эвфемизмы. Это связано с установкой на внешнюю нейтральность, характерной для значительной части медийных текстов. При описании вооружённых конфликтов, жертв, экономических потерь или социально болезненных ситуаций журналисты и официальные источники нередко используют формулы, которые снижают степень прямоты и эмоциональной остроты сообщения. Подобные единицы создают эффект дистанцированности и переводят восприятие события из этической плоскости в административную, техническую или бюрократическую [3, 5].

Особенно заметна эвфемизация в политико-военной тематике. Англоязычные СМИ широко используют выражения, обозначающие боевые действия, потери или силовое давление в форме, не акцентирующей трагический характер происходящего. Такая лексика способна маскировать реальную тяжесть ситуации, придавать сообщению вид официальной сдержанности и снижать интенсивность эмоционального отклика читателя. Именно поэтому переводчик должен распознавать не только словарное значение подобных единиц, но и тот коммуникативный эффект, который обеспечивается их употреблением в медиатексте [1, 5].

В социально-экономическом дискурсе эвфемизация выполняет сходную функцию. Сообщения о сокращении персонала, падении доходов, кризисных явлениях и нестабильности рынка часто оформляются через обезличенные или управленчески маркированные формулы. В результате негативное содержание не исчезает, но представляется как процесс, подлежащий контролю и рациональному объяснению. Для русского перевода это создаёт дополнительную трудность: необходимо сохранить деловой или нейтрально-официальный тон, но не допустить неестественной кальки, которая делает текст тяжеловесным и стилистически чужеродным.

Дисфемизмы, напротив, чаще встречаются в аналитике, публицистике, материалах о преступности и в текстах с выраженной авторской позицией. Здесь задача автора состоит не в смягчении, а в акцентировании негативной стороны явления, в создании более жёсткой оценки и в повышении эмоционального воздействия на адресата. Дисфемистическая лексика позволяет маркировать фигуранта как опасного, аморального, агрессивного или социально неприемлемого. В медиатексте такие единицы часто становятся смысловым центром заголовка или ключевого фрагмента, обеспечивая резкий и легко считываемый оценочный эффект [1, 8].

При переводе эвфемизмов и дисфемизмов наиболее продуктивной представляется стратегия функционального соответствия. Её суть состоит в подборе такой единицы языка

перевода, которая воспроизводит не только денотативное содержание, но и степень оценочности, смягчения или экспрессии, заложенную в оригинале. Если англоязычный текст намеренно избегает прямого названия болезненного факта, перевод также должен сохранять эту тактичность. Если же автор сознательно усиливает негативную оценку, передача нейтральным словом разрушает исходную прагматику и ослабляет воздействующий потенциал текста [2, 7].

Наряду с этим в практике медиаперевода нередко используется стратегия нейтрализации. Она оправдана в тех случаях, когда точный функциональный аналог в русском языке отсутствует или когда прямое воспроизведение исходной единицы приводит к жанровому сбою. Однако нейтрализация всегда связана с частичной потерей эффекта: дисфемизм становится менее резким, а эвфемизм – менее заметным как средство речевого такта или маскировки. Поэтому прибегать к этой стратегии следует осмотрительно, оценивая, насколько допустима утрата экспрессии в конкретной коммуникативной ситуации [2].

Ещё одной значимой стратегией является прагматически мотивированная замена. Она необходима тогда, когда буквальный перевод не обеспечивает естественного звучания в русскоязычном медиадискурсе. В подобных случаях переводчик отказывается от формального соответствия и выбирает иную единицу, которая лучше выполняет нужную функцию в принимающей культуре. Такой подход особенно актуален при передаче устойчивых бюрократических эвфемизмов, корпоративной лексики и некоторых оценочных клише, которые в английском языке обладают высокой частотностью, а в русском воспринимаются как калькированные и инородные.

Особую проблему создаёт буквальный перевод устойчивых эвфемистических и дисфемистических номинаций. Формально он может казаться точным, однако в действительности нередко искажает коммуникативную задачу исходного текста. Буквально переданная единица либо лишается своей оценочной функции, либо, наоборот, получает в русском контексте несвойственную ей интенсивность. В результате перевод утрачивает жанровую достоверность и перестаёт соответствовать ожиданиям адресата, для которого медиатекст должен звучать естественно и функционально мотивированно [3, 5].

К числу наиболее типичных переводческих ошибок относится деэвфемизация, то есть замена смягчённого выражения излишне прямым или жёстким словом. При подобном решении сообщение, изначально построенное на речевой деликатности или официальной дистанции, становится более резким и в некоторых случаях даже грубым. Не менее проблемной является обратная ситуация, при которой дисфемизм нейтрализуется настолько, что исчезает заданная автором оценка. Оба типа ошибок свидетельствуют о том, что переводчик воспринимает слово вне его медийной функции и не учитывает коммуникативный регистр текста.

На выбор переводческого решения существенно влияет жанр. В новостной заметке, где сохраняется установка на внешнюю сдержанность, даже оценочные единицы включены в более нейтральный контекст и потому требуют осторожной передачи. В авторской колонке, комментарии или публицистическом материале экспрессивность чаще оказывается частью жанровой нормы. Следовательно, одна и та же единица не может переводиться одинаково вне зависимости от типа текста. Адекватность перевода определяется не изолированным словом, а соотношением этого слова с жанром, авторской интенцией и ожидаемой реакцией аудитории [3].

Важно учитывать и то, что эвфемизмы исторически подвижны. Со временем они могут утрачивать смягчающий потенциал, превращаясь в нейтральные обозначения или даже приобретая стигматизирующий оттенок. Е. П. Сеничкина отмечает, что обновление эвфемистической лексики связано с динамикой общественных норм, идеологических установок и представлений о речевой корректности [6]. Для переводчика это означает

необходимость ориентироваться не только на словарную фиксацию единицы, но и на её современное функционирование в живом медиаязыке.

Отдельного внимания заслуживает проблема культурной уместности. В англоязычном медиапространстве значительную роль играют нормы политической корректности, влияющие на выбор слов в темах, связанных с миграцией, инвалидностью, психическим здоровьем, бедностью и социальной уязвимостью. При переводе таких текстов механическое воспроизведение формулировок не всегда приводит к адекватному результату, поскольку русскоязычная медийная норма может предполагать иные способы тактичного обозначения. В связи с этим переводчик вынужден постоянно соотносить семантику оригинала с культурной приемлемостью соответствующей единицы в языке перевода [4, 6].

Проведённое рассмотрение позволяет сделать вывод о том, что перевод эвфемизмов и дисфемизмов в медиадискурсе представляет собой сложную прагматическую задачу. Успешная передача таких единиц возможна только при условии учёта их оценочной функции, жанровой обусловленности и места в общей структуре текста. Наиболее удачными оказываются решения, при которых переводчик воспроизводит не внешнюю форму выражения, а его коммуникативный эффект. Именно такой подход позволяет сохранить смысловую точность и вместе с тем обеспечить естественное звучание русскоязычного медиатекста.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при обучении медиапереводу, стилистике английского языка и анализу медиатекста. Выводы статьи представляют интерес и для редакторской практики, поскольку помогают оценивать качество перевода с точки зрения не только лексической точности, но и прагматической адекватности. В условиях интенсивного информационного обмена между англоязычным и русскоязычным пространством точная передача эвфемизмов и дисфемизмов становится важным условием корректной интерпретации общественно значимых событий [2, 3, 5].

Таким образом, эвфемизация и дисфемизация выступают не периферийными, а системно значимыми средствами организации медийного сообщения. Они позволяют регулировать степень речевой жёсткости, воздействовать на эмоциональный фон публикации и направлять оценочную деятельность адресата. Для переводчика игнорирование этих механизмов означает потерю важной части смысла, поскольку в медиатексте оценка часто заложена не в открытом комментарии, а в самом выборе номинации [1, 3].

Перспективным направлением дальнейшей работы может стать сопоставление англоязычных оригиналов с опубликованными русскоязычными переводами в разных типах СМИ. Такой анализ позволит точнее установить, какие стратегии оказываются наиболее устойчивыми, а какие приводят к систематическим искажениям. Кроме того, заслуживает внимания вопрос о том, как эвфемистическая и дисфемистическая лексика передаётся в условиях автоматизированного перевода и последующей редакторской правки.

Список литературы:

1. Allan K., Burrige K. Euphemism and Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon. New York: Oxford University Press, 1991. 263 p.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
3. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: Флинта: Наука, 2008. 264 с.
4. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. 2004. № 1–2. С. 28–49.
5. Москвин В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания. 2007. № 3. С. 58–70.

6. Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта: Наука, 2006. 464 с.
7. Цатурян М. А. Эвфемизм как инструмент манипулирования в политическом медиадискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2020. 196 с.
8. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.

